

Цзи Линьси, распластавшийся на земле, готов был провалиться сквозь землю от стыда. Собственный позор мало заботил его, пока дело не касалось прекрасного господина. Бросив исполненный ненависти взгляд на проклятый высокий порог, он мысленно поклялся вырвать это препятствие с корнем, облить маслом и сжечь дотла.

Возвращение Линьси явно застало всех врасплох. Чу Юй едва заметно нахмурился, но тут же смягчил взгляд, в котором промелькнуло беспокойство:

— Господин Си? Почему вы вернулись?

Юноша поднялся на ноги, отряхивая пыль с одежд, и быстро огляделся.

Господин Ван уже был схвачен, остальные в страхе застыли на коленях — казалось, буря утихла.

«Так скоро?» — изумился он про себя.

Каким бы пронизательным ни был Линьси, он не мог и вообразить, что именно произошло за это короткое время. Он-то спешил назад, надеясь на роль героя, спасающего красавца из беды, но судьба распорядилась иначе: всё уже было кончено, и его помощь не требовалась.

Облизнув пересохшие губы, он сбивчиво проговорил:

— Я... я ушёл, но не мог оставить вас, господин. Сердце было не на месте, вот и решил вернуться — вдруг пригожусь чем-нибудь.

Он всё ещё не ведал, что перед ним не просто знатный юноша, а Наследный принц, сокровище императорского дворца.

Чу Юй тихо рассмеялся.

Он был невыразимо прекрасен в свете качающихся под карнизом фонарей; в густых сумерках кружился первый снег, и принц казался ожившим духом из древних преданий, чей облик пленяет души смертных. Линьси заворуженно смотрел на него, гадая: если это не магия, то как ещё один человек может так легко лишиться другого воли?

От этих мыслей по телу пробежал жар. Он почувствовал, как возбуждение, подобно пробудившемуся зверю, властно заявляет о себе, и плоть в его штанах напряглась, упрямо и требовательно.

— Ночь холодна, господин Си. Позвольте Моим людям проводить вас к месту отдыха, — не подозревая о буре в душе собеседника, произнёс Чу Юй.

Он подозвал одного из гвардейцев и что-то вкратце шепнул ему на ухо. Тот с явным удивлением окинул взглядом неопрятную фигуру молодого человека, но лишь молча кивнул и шагнул вперёд, не обращая внимания на его жалкий вид:

— Господин Си, прошу за мной.

Уходить Цзи Линьси не хотелось — не ради сна он спешил назад. Но было очевидно, что прекрасный господин не желает его присутствия при дальнейшем разговоре, а юноша не был из тех, кто навязывается вопреки этикету. Скрепя сердце, он попрощался. Крепко сжимая в руках заветную коробочку с мазью, он побрёл следом за провожатым, поминутно оборачиваясь.

Стоило фигуре Линьси скрыться из виду, как тень улыбки на лице Чу Юя растаяла, словно туман на ветру. Его взгляд вновь обрёл ледяную остроту.

— Приведите ко Мне Ван Хэ, — приказал он тоном, не терпящим возражений.

Услышав имя сына, госпожа Ван зашлась в рыданиях. Она бросилась к ногам принца, неистово бьась лбом о камни:

— Ваше Высочество, умоляю! Сын мой болен, он прикован к постели и не может подняться! Смилуйтесь над ним! Он уже осознал свою вину!

Чу Юй даже не удостоил её взглядом.

— Если Я пощажу его, то кто вернёт жизни тем, кого он загубил?

Госпожа Ван хотела было продолжить мольбы, но один из стражников грубо прервал её, прижав к полу рядом с мужем.

Прошло совсем немного времени, и гвардейцы приволокли Ван Хэ — тот всё ещё грезил о грядущих утехах, не ведая, что его мир рухнул. Его бесцеремонно швырнули на землю. За то время, что его тащили через всё поместье, он успел сорвать голос, но не прекращал сыпать угрозами.

— Псы! Как вы смели коснуться вашего господина?! Жить надоело?! — хрипел он. — Я всё расскажу канцлеру, он сдерёт с вас кожу!

Янь Хуай коротким ударом сбил его спесь и придавил сапогом к полу:

— Заткнись.

Ван Хэ, пылая злобой, с трудом приподнял голову. Увидев схваченных родителей и ряды слуг, не смеющих поднять глаз, он застыл в оцепенении.

— Отец? Матушка?

— Цзиньчжи! — госпожа Ван со слезами смотрела на сына.

Пленник попытался вырваться, но после потери крови силы покинули его. Чужой сапог на спине казался неподъемной горой, не дающей вздохнуть.

— Отпустите нас! Чего вам нужно?! Если денег — у семьи Ван их в избытке! Мы всё отдадим! Только отпустите!

Янь Хуай надавил сильнее, окончательно вжимая голову Ван Хэ в пол.

— Денег? — послышалась холодная усмешка. — Боюсь, даже всего золота вашего рода не хватит, чтобы выкупить твою жизнь. Семья Ван погубила множество невинных душ. И теперь, в присутствии Его Высочества, пришло время платить по счетам.

Этой ночью в главной зале царил ледяной ужас.

Уездный судья Хэ чувствовал, как немеют его колени; от бывшего веселья не осталось и следа. Он бледнел всё сильнее, глядя, как одну за другой в залу вносят окровавленные останки — немые свидетельства злодеяний семьи Ван.

Судья украдкой взглянул на префекта Суна. Тот замер, уткнувшись лицом в талый снег, словно мертвец. Будущее казалось беспросветным.

Допрос, перемежаемый сухими фактами, затянулся до глубокой ночи.

— Где префект Сун и судья Хэ?

Услышав своё имя, Сун Вэньчжи вздрогнул. Наконец он шевельнулся и отвесил глубокий поклон:

— Подданный Ваш, Сун Вэньчжи, приветствует Его Высочество.

Хэ Ань поспешно последовал его примеру:

— Подданный Ваш, Хэ Ань, приветствует Его Высочество.

Чу Юй ледяным взглядом окинул обоих:

— Один из вас — уездный судья Юнчэна, другой — префект Цзинчжоу. Вы не могли не знать о бесчинствах семьи Ван. И всё же вы позволяли им творить это беззаконие. Признаёте ли вы свою вину?

Судья Хэ порывался было оправдаться, но не успел он и рта раскрыть, как префект Сун вновь склонился в поклоне:

— Виновен. Каюсь, Ваше Высочество.

К чему теперь слова? Принц, прибывший из самой столицы, явно явился именно по душу Ванов. Те, кто был связан с ними, не избегут кары.

Цзи Линьси не сомкнул глаз. Лёжа в постели, он чутко прислушивался к любому шуму снаружи, но стоило ему попытаться выйти, как стража преграждала путь.

— Господин велел вам отдыхать, — таков был неизменный ответ.

Юноше оставалось лишь ворочаться с боку на бок, то и дело доставая из-под подушки заветную коробочку.

«Эх, как же хочется есть...»

Его жареная курица и молочный поросёнок, должно быть, давно погребены под снегом, как и припрятанные сокровища. Путь назад был заказан, и от этой мысли становилось не по себе.

Чтобы хоть как-то утешиться, он открыл футляр и осторожно коснулся кончиком пальца белой мази. Вдохнув её тонкий, пронзительный аромат, он наконец почувствовал, как тревога понемногу отступает.

Едва забрезжил рассвет, он вскочил с постели, стараясь привести себя в порядок. Волосы он вымыл ещё ночью, но одежда... Другого платья не было, а вчерашние пятна жира никак не желали исчезать под мокрым платком.

Он долго сверлил взглядом грязные разводы, кляня вчерашнюю неосмотрительность. В пылу побега он совсем забыл о достойном облике, а когда решил вернуться, было уже поздно что-то менять.

Впрочем, вскоре он воспрял духом.

«Какая разница? — подумал он. — Это всё равно лишь личина. Вот доберёмся до столицы, умоюсь, переоденусь — и никто не узнает в статном Цзи Линьси того замарашку»

С этой мыслью он пригладил волосы перед зеркалом, находя в своём отражении некое лихое очарование, и, довольный собой, отправился на встречу со своим прекрасным господином.

<http://bllate.org/book/15344/1372731>